

В апреле 1994 г. от тяжелой сердечной болезни скончалась Софья Викторовна Полякова, не дожив немногих месяцев до 80-летнего юбилея. Она родилась в Петербурге и оставалась в родном городе до конца дней (кроме лет, проведенных в Москве во время войны). Редко — не считая летних дачных месяцев на Карельском перешейке — покидала город и все время прожила в одном и том же старом районе недалеко от Сенной площади, только раз вынужденно сменив свою петербургскую квартиру с высокими потолками и заставленными книгами стенами на очень похожую, в нескольких сотнях метров от нее. Она окончила Ленинградский университет в 1938 г и была в первом выпуске студентов на незадолго перед тем воссозданной кафедре классической филологии, которой заведовала Ольга Михайловна Фрейденберг. Одна из лучших и вначале самых верных учениц профессора Фрейденберг, Софья Викторовна не только изучала древние языки и литературу, но и осваивала новые, совсем непривычные для традиционной классической филологии методы своего учителя. Среди ее учителей были также И.Г.Франк-Каменецкий, И.И.Толстой, И.М.Тронский. Софья Викторовна принадлежала к, увы, ныне поредевшему поколению начинавших перед самой войной петербургских филологов, отличительной чертой большинства которых было сочетание европейской образованности с поиском новых форм и методологий в науке: антиинтеллектуализм и примитивная ксенофобия ждановских постановлений застали многих из них уже сформировавшимися учеными и не смогли искалечить профессионально и нравственно. Все последующие годы до выхода на пенсию Софья Викторовна проработала на воспитавшей ее кафедре.

Писать о Софье Викторовне Поляковой примелькавшимися в некрологах фразами не только сложно, но попросту невозможно: любое клише немедленно приходит в вопиющее противоречие с ее образом. Более того, любое категорическое утверждение тут же требует оговорок и

уточнений, одинаково, говорим ли мы о ее человеческом или "ученом" облике.

Софья Викторовна была "только" кандидатом наук и доцентом и, кажется, даже никогда не заседала ни в одном ученом совете, но многочисленные ее ученики — а среди них немало и докторов наук, и профессоров, и заведующих кафедрами — вряд ли решатся когда-нибудь сопоставить себя с учителем. Софья Викторовна была прекрасным педагогом, процесс ее учительства не кончался в учебных аудиториях, а часто затягивался на долгие годы и продолжался у нее дома за вечерними чаями, собиравшими общество способных и заинтересованных студентов и выпускников, однако в самый день достижения пенсионного возраста она переслала по почте заявление университетскому начальству об уходе на пенсию с весьма престижной по тем временам и доходной доцентской должности. Ее учительство отнюдь не ограничивалось передачей информации от учителя к ученику, но заключалось в свободном обсуждении жизни, книг и людей, как правило, сопровождавшимся острыми, неожиданными суждениями самой Софьи Викторовны. Ее парадоксы нередко могли озадачить, но всегда заставляли думать Софье Викторовне так ни разу и не удалось воспользоваться поздно предоставившейся возможностью побывать за границей, но она владела европейскими языками и знала мировую литературу много лучше большинства современных любителей заграничных путешествий. Будучи явной "евроцентристкой" по своему духу и убеждениям, она великолепно знала и очень любила русскую литературу, особенно поэзию серебряного века, изучению которой посвятила много лет жизни. Своими пристрастиями, знаниями и кругом интересов Софья Викторовна как бы еще раз утверждала ту непреложную мысль, что космополитизм не мешает, а напротив, помогает любви к "отеческим гробам". Человек высокой культуры, Софья Викторовна обладала не искаженной никакими политическими и псевдоактуальными критериями шкалой ценностей, своим "гамбургским счетом", позволявшим ей отделять сиюминутное и суетное от истинного и вечного как в литературе, так и в науке. Впрочем, ее оценки и суждения в этих областях совсем не отличались беспристрастием и невозмутимой объективностью. Скорее наоборот. Да и какого беспристрастия можно было ожидать от человека, столь страстно заинтересованного в литературе, искусстве и самой жизни!

Византиноведение — наряду с занятиями античной, средневековой западноевропейской и русской литературой серебряного века — было только одной из областей деятельности Софьи Викторовны. Прежде всего она была великолепным переводчиком византийских литературных памятников. Если мы, к примеру, утверждаем, что Шекспир говорит сейчас с русским читателем языком Пастернака, Данте — Лозинского, а Рабле — Любимова, то с тем же правом можно сказать, что авторы византийских житий святых, сатирических произведений и романа "Исминий и Исминия", переведенные Софьей Викторовной, заговорили ныне с русским читателем языком Поляковой. Этот русский язык византийских авторов необходимо было создать заново, и он был создан со своеобразным, слегка имитирующим оригинал синтаксисом, тактично архаизированной лексикой и своеобразной ритмикой фразы.

Впрочем, переводческая деятельность редко была самоцелью для Софьи Викторовны, а скорее являлась прелюдией к изучению переведенных ею литературных произведений. Если верно утверждение, что теории ученого-гуманитария носят часто отпечаток его собственного духовного облика, то прекрасным тому подтверждением являются идеи С.В.Поляковой. Софья Викторовна не любила компромиссных, половинчатых утверждений, а формулировала и аргументировала свои мысли достаточно категорично. Византийские жития святых не имели, по ее мысли, никакого отношения к реальным людям и реальным биографиям и являлись не более чем трансформированными фольклорными сюжетами. Вся художественная ткань византийского романа служит, в ее представлении, абстрагированию от реальности, деконкретизацией истории, любовная интрига и даже эротические сцены — только внешнее действие, за которым средневековый читатель видел изображение вечных сущностей. Художественный сюжет обладал способностью к имманентному развитию и мог неожиданно появляться то в одном, то в другом литературном произведении, принадлежащем к разным историческим периодам и географическим регионам. Эти и ряд других идей Софьи Викторовны выражены в блестящей, ей одной присущей, парадоксальной манере и не во всех случаях заслужили всеобщее признание. Известно, однако, нередко даже "неправильные" идеи оказываются в науке много полезнее иных "правильных", но нередко вполне тривиальных.

В отличие от антиковедения и медиевистики, не говоря уже об изучении нового времени, в византистике литературоведение как самостоятельная научная дисциплина делает только свои первые шаги. В его становлении весьма заметная роль принадлежит Софье Викторовне. Ее уход — большая потеря. Место, оставленное ею в науке и жизни, останется незамещенным.

Я.Любарский